

АННА ШИЛД
АДА ОГНЕВА

ЗАЛОГ
МОЛЧАНИЯ БОССА

18+

**Ада Огнева
Анна Шилд**

Залог молчания босса

<https://litres.ru/74515459>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы спасти отцовскую мастерскую и расплатиться с долгами семьи, Таисия приходит в дом Ярослава Гордеева — в качестве залога молчания. Он обещает защиту, но у каждого обещания обнаруживаются новые условия. Его правилам хочется сопротивляться. Его прикосновения слишком трудно забыть. Пока семейные тайны грозят обернуться публичным скандалом, Таисия пытается понять, какое место ей отвели в чужой сделке. Ярослав готов уничтожить каждого, кто тронет его женщину. Но готов ли он услышать её собственное «нет» — и что останется между ними, когда молчать больше не получится?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Анна Шилд

Залог молчания босса

Залог молчания босса

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Осенний ливень хлестал по бронированным стеклам старинного подмосковного особняка с яростью взбесившегося зверя. Вековые сосны Николино, обступившие гранитный подъезд глухой стеной, стонали под шквальными порывами ветра, сбрасывая на мокрую брусчатку последние ржавые иглы. В каминном зале, где трехметровый портал из белого каррарского мрамора дышал жаром березовых поленьев, царил душливый, липкий холод.

Таисия Ромашина сидела на самом краешке тяжелого велюрового дивана цвета перезрелой вишни. Ее пальцы, тонкие и чуткие пальцы художницы-реставратора, привыкшие бережно касаться хрупких красочных слоев темперы семнадцатого века, сейчас судорожно впивались в плотную шерсть собственного темно-синего платья. Платье было строгим, глухим, застегнутым под самое горло на крошечные обтяжные пуговицы — ее единственная броня против ядовитых взглядов, которыми ее методично препарировали последние сорок минут.

На шее Таисии холодела тонкая нить речного северного жемчуга — единственная память об умершей матери, передававшаяся в роду Ромашиных через три поколения реставраторов и иконописцев. А на безымянном пальце правой руки тускло поблескивало тоненькое, почти невесомое сереб-

ряное колечко с крошечным мутным фианитом на четырех шатающихся лапках. Роман надел его на ее палец неделю назад в шумной кофейне на Малой Бронной, путаясь в красивых клятвах, обещая спасти фамильную мастерскую ее отца на Солянке от разорения и называя Таисию своим главным спасением.

Сейчас ее «жених» развалился в глубоком кожаном кресле напротив камина, суетливо покручивая в холеных пальцах пузатый хрустальный бокал с двадцатипятилетним «Реми Мартен». На нем была расстегнутая на две пуговицы шелковая рубашка с итальянским воротником и массивные золотые часы «Юбло», но под этим лоском сквозила лихорадочная, жалкая паника. Колено Романа мелко и непрерывно подергивалось, взгляд бегал по начищенному паркету, избегая смотреть Таисии в лицо, а коньяк он глотал большими, судорожными глотками, словно пытался захлебнуться собственным страхом.

— Роман, милый, — раздался от камина ледяной, безупречно модулированный голос, от которого у Таисии в очередной раз свело лопатки.

Маргарита Андреевна Гордеева сидела в высоком вольтеровском кресле, прямая как наконечник копья. Вдовствующая аристократка клана, чье лицо в пятьдесят шесть лет сохранило хищную породистую скульптурность благодаря швейцарским хирургам, не удостоила будущую невестку даже поворотом головы. Ее длинные пальцы, униженные тяжелыми перстнями с кашмирскими сапфирами, медленно подняли к переносице складной платиновый лорнет.

— Я всегда с пониманием относилась к твоим юношеским

причудам, — протянула матрона, разглядывая мыски туфель Таисии сквозь линзы с неприкрытой брезгливостью. — Но притащить в родовое гнездо сиротку из полуподвальной багетной лавки в канун закрытого совещания попечительского совета? Скажи на милость, в какой провинциальной комиссии ты откопал это скромное создание? У нее даже бусины на шее выглядят как прессованная пластмасса из привокзального перехода. Девочка, твой отец вообще в курсе, что в приличном обществе при представлении семье принято надевать хотя бы фамильное золото, а не бижутерию эконом-класса?

Роман нервно дернулся, расплескав янтарную каплю коньяка на светлые слаксы: — Мама, ради бога, прекрати... Тая — профессионал, она реставрирует музейные фонды... Мы ведь говорили об этом...

Роман потянулся к бокалу, пока мать продолжала разглядывать Таисию сквозь лорнет. Таисия ждала еще хоть слова в свою защиту — и дождалась только глотка коньяка.

Обида обожгла горло Таисии горячей щелочью, но она не позволила себе опустить глаза. Напротив — расправила хрупкие плечи, поднимая подбородок так, чтобы свет люстры четко очертил тонкую белую шею и дерзкий огонь в ее серо-зеленых миндалевидных глазах.

— Этот жемчуг, Маргарита Андреевна, — звонко и отчетливо произнесла Таисия, вложив в каждое слово кристальную твердость, — был поднят со дна реки Муны в Архан-

гельской губернии в тысяча восемьсот девяносто втором году. Жемчужины отобрали вручную и преподнесли моей прабабушке на венчание. Он пережил Первую мировую, блокаду и три переезда, сохранив подлинную чистоту без единой химической полировки. В нем нет фальши. Как нет ее и в моем уважении к вашему дому. Хотя последнее, признать-ся, стремительно испаряется с каждой минутой нашего застолья.

Маргарита Андреевна замерла. Лорнет застыл в воздухе. Ее тонкие накрашенные губы сжались в бескровную полоску, в глазах плеснула ярость: — Какая дерзость... Нищенка смеет поучать меня в моих собственных стенах?!

Роман поперхнулся коньяком, закашлявшись и выронив салфетку. Но ответить матери не успел.

В глубине парадного вестибюля раздался тяжелый, глухой, сокрушительный шаг.

Звук этот подействовал на пространство каминного зала как внезапный удар хлыста. Двое рослых лакеев в строгих черных фраках, стоявших у дубового буфета, мгновенно вытянулись во фрунт, втянув подбородки. Пожилой седовласый управляющий Григорий побелел, судорожно поправил манжеты и почти бегом бросился к высоким распашным дверям.

Воздух в комнате сжался, словно барометр за секунду рухнул перед разрушительным тайфуном.

Тяжелые дубовые створки разошлись без единого скрипа.

В проеме вырос мужчина.

Таисия затаила дыхание, чувствуя, как сердце пропустило глухой, панический удар.

Управляющий отступил, освобождая ему дорогу; Таисия невольно вжалась в спинку дивана. Рост метр девяносто два, колоссальный разворот плеч, перед мощью которого просторный дверной проем показался тесным. Мокрый черный кашемировый кардиган крупной вязки был наброшен поверх расстегнутой на груди угольно-черной рубашки, обнажая массивную шею и край широкой ключицы, которую пересекал старый белесый шрам — след грубого бандитского удара. Темные короткие волосы промокли под дождем, капли воды блестели на жестких висках и тяжелой челюсти, покрытой трехдневной темной щетиной.

От него исходила дикая, плотная аура опасности: запах мокрого холодного кедра, горького несладкого эспresso, дорогого листового табака и разгоряченной мужской плоти.

Ярослав Александрович Гордеев. Единоличный правитель синдиката, человек, вырвавший империю из рук рейдеров и державший в кулаке половину строительного рынка страны.

— Ярослав! — Роман вскочил со своего кресла с такой суетливой поспешностью, что его бокал с глухим стуком ударился о край журнального столика, перевернувшись на полированное дерево. — Ты... ты вернулся раньше? Мы были уверены, что совет директоров затянется до утра!

Ярослав даже не повернул головы в сторону брата. Небрежным, скупым движением он сбросил мокрый кашемир прямо на подставленные руки замершего управляющего: — Совет директоров завершился сорок минут назад. Воропаев лишился блокпакета в северном порту и покинул здание через служебный пандус. Больше его шавки в Сити не появятся.

При звуке фамилии «Воропаев» Роман позеленел. Пальцы младшего брата судорожно сжались в кулаки, на лбу выступила испарина.

И в эту секунду графитово-черные, ледяные глаза Ярослава медленно, неотвратно повернулись к Таисии.

Таисия приготовилась к представлению и протянула было ладонь, но его взгляд задержал ее движение. Взгляд скользнул по ее медово-каштановым прядям, выбившимся из скромного узла, впился в тонкую бледную шею, на миг задержался на речном жемчуге, спустился к приподнявшейся от частого дыхания груди, очертил хрупкую талию и намертво пригвоздил ее ладони, сложенные на коленях.

Статическое электричество в зале сгустилось до треска. Таисии показалось, что температура вокруг упала до абсолютного нуля, а затем вспыхнула обжигающим жаром. В горле пересохло.

— Ярик... — забормотал Роман, делая неловкий шаг вперед и пытаясь вклиниться между ними. — Познакомься. Это Таисия Ромашина. Тая... моя невеста. Мы подали документы

в загс. Свадьба через месяц.

Ярослав проигнорировал присутствие брата так, словно тот был пустопорожним сквозняком. Он сделал три широких, неторопливых шага по мягкому ворсу ковра. Двигался он с пугающей, мягкой кошачьей грацией бойца-тяжеловеса.

Остановившись в полуметре от Таисии, он навис над ней каменной громадой, заслоняя свет люстры и отбрасывая на нее глубокую, бархатную тень. Тепло его огромного тела ударило ей в лицо вместе с горьким ароматом табака и хвои.

— Гордеев. Ярослав, — его голос прозвучал низко, бархатно, с глухой вибрацией, от которой у Таисии судорожно сжались пальцы на ногах.

Он протянул руку. Широкая ладонь с мощными костяшками, длинными пальцами и загрубевшей кожей.

Таисия с трудом сглотнула вязкую слюну. Сердце колотилось где-то под ключицами. Собрав все остатки гордости, она вложила свои прохладные, тонкие пальцы в его ладонь: — Таисия.

Контраст был чудовищным. Ее рука показалась хрупкой фарфоровой веточкой, попавшей под стальной пресс. Ладонь Ярослава была обжигающе горячей, шершавой и невероятно твердой. Но вместо мимолетного светского пожатия его пальцы сомкнулись вокруг ее кисти тяжелым, несокрушимым замком.

Один удар сердца. Второй. Третий.

Таисия попыталась высвободить руку, но Ярослав не поз-

волил. Напротив — его хватка стала жестче, фиксируя ее запястье. Медленно, с ленивой, подавляющей властностью его большой палец сместился на ее безымянный палец и лег прямо на тонкий серебряный ободок. Подушечка его пальца с грубой силой вдавила крошечный мутный фианит в ее нежную кожу, словно проверяя подлинность дешевого металла.

Зрачки Ярослава расширились, затапливая темную радужку первобытным, опасным огнем. Он не отпускал ее руки. Взгляд его темных глаз скользнул к ее губам, приоткрывшимся от сбитого дыхания, а затем он медленно повернул голову к застывшему в полутора метрах Роману.

— Невеста? — произнес Ярослав так тихо, что каждое слово резало тишину как скальпель. — Роман, у тебя всегда был отвратительный вкус на шлюх. Ты таскал в дом раскрашенных пустышек, пахнущих чужими постелями и фальшивыми духами. Но здесь...

Его большой палец еще раз, с садистской неспешностью, провел по дешевому фианиту, заставляя металл врезаться в палец Таисии: — ...здесь ты прыгнул слишком высоко над своей головой, братец. Слишком чисто. Слишком дорого для твоих карманов. Ты даже не понимаешь, во что вляпался со своими карточными мозгами. Очень опрометчиво.

Ярослав разжал пальцы так внезапно, что рука Таисии бессильно упала на подол платья. На белой коже остался багровый, горящий след от его прикосновения. Кольцо казалось раскаленным железным клеймом.

Ярослав развернулся на каблуках, бросив матери через плечо: — Ужин перенесите в малую столовую. Мне нужны отчеты по долговым обязательствам южного филиала.

Тяжелые двери закрылись за ним. А Таисия сидела, прижимая обожженную ладонь к груди, и с ужасом понимала: в этом доме настоящим хозяином был вовсе не ее жених. И этот хозяин только что пометил ее взглядом зверя, выбравшего свою добычу.

Глава 2

Полночь накрыла особняк Гордеевых тяжелым саваном могильной тишины. За стрельчатыми окнами гостевой спальни западного крыла дождь наконец стих, сменившись белесой, студеной пеленой подмосковного тумана.

Таисия металась по широкой постели под высоким шелковым балдахином, не в силах сомкнуть глаз. Простыни из египетского хлопка казались колючими и ледяными, виски ломило от глухой, пульсирующей боли. Каждый раз, когда она закрывала глаза, перед ее внутренним взором вспыхивали графитовые, безжалостные зрачки Ярослава Гордеева, а на безымянном пальце фантомным ожогом горело воспоминание о шершавой твердости его ладони.

Горло саднило от невыносимой сухости. Она повернулась на бок: хрустальный графин на прикроватном столике был пуст — горничная забыла наполнить его водой перед сном.

Таисия сбросила тяжелое пуховое одеяло. Прохладный воздух спальни овеял обнаженные ключицы и ноги. Поверх тонкой ночной сорочки цвета топленого молока, едва доходившей до колен, она накинула длинный шелковый халат глубокого сапфирового оттенка и туго перехватила поясом тонкую талию. Распущенные медово-каштановые волосы тяжелыми волнами рассыпались по плечам, доходя почти до пояса.

Стараясь не шуметь, ступая босыми ногами по прохладному паркету, Таисия толкнула тяжелую дверь и вышла в полутемную анфиладу коридора. На первом этаже, в буфетной малой столовой, она заметила кувшин с ледяной родниковой водой. Всего три минуты — спуститься, сделать несколько глотков и вернуться в спальню, заперевшись на массивную щеколду.

Она дошла до широкой парадной лестницы из каррарского мрамора, соединявшей жилые покои второго этажа с двухсветным центральным холлом. Тусклые ночные бра отбрасывали на ступени косые, призрачные тени. В особняке сто-

яла абсолютная, вакуумная тишина.

Таисия взялась рукой за полированные резные перила и сделала первый шаг вниз. Мрамор приятно охлаждал горящие ступни. Она преодолела половину первого пролета, повернула на широкую промежуточную площадку под старинным витражом...

И замерла, вскрикнув от неожиданности.

В густой тени мраморной колоннады, прямо у входа в закрытую картинную галерею, раздался сухой, звонкий металлический щелчок: *клик-клак*.

Во тьме вспыхнул узкий желтый язычок пламени бензиновой зажигалки.

Огонь на мгновение выхватил из темноты резкий скульптурный профиль: перебитая переносица, выступающие желваки на квадратной челюсти, покрытой черной щетиной, и тяжелый, ледяной блеск глаз из-под нахмуренных бровей.

Ярослав Гордеев.

Он стоял, небрежно прислонившись широкой спиной к холодному камню колонны. В полумраке белела тонкая сорочка была расстегнута на груди на три пуговицы, обнажая рельефные мышцы и край белесого шрама на ключице. Рукава были закатаны до локтей, открывая жилистые, мощные предплечья с канатами вен. Между пальцами правой руки дымилась сигарилла; рядом на балюстраде стоял тяжелый хрустальный рокс с янтарными каплями торфяного виски.

Таисия отшатнулась, инстинктивно делая шаг назад по

ступеньке: — Вы...

Ярослав щелкнул крышкой зажигалки, убрал ее в карман и взял с балюстрады рокс. Огонек сигариллы на миг разгорелся ярче, окрашивая его лицо багровым отсветом. Не произнося ни слова, он оттолкнулся от колонны.

Его движение было настолько стремительным и бесшумным, что Таисия даже не успела развернуться, чтобы сбежать. В две секунды он преодолел разделявшее их расстояние, поднялся на ступеньку выше и буквально запечатал ее на узкой мраморной площадке.

Его огромная фигура закрыла весь обзор. Слева высилась глухая стена с дубовыми панелями, сзади уходили вверх ступени, а впереди стоял он.

Ярослав погасил сигариллу в пепельнице на балюстраде, поднял правую руку и тяжело оперся ладонью о резной поручень прямо у ее бедра. Левую руку со стаканом виски он положил на балюстраду с другой стороны.

Ловушка захлопнулась.

Таисия оказалась зажата между его мощным торсом и резными перилами. Расстояние между ними сократилось до жалких десяти сантиметров. Тепло его тела обрушилось на нее удушливой волной, смешиваясь с горьким ароматом табака, терпкого островного солода и морозной хвои.

Ярослав медленно выдохнул тонкую струйку сизого дыма куда-то в сторону окна, не отводя от нее тяжелого, раздевающего взгляда: — Куда крадемся в первом часу ночи, птич-

ка? Решила провести ревизию столового серебра в буфете, пока жених пускает слюни в подушку?

Его голос — низкий, бархатный рокот с хрипотцой — прошелся по ее обнаженным нервам физической вибрацией. Таисия судорожно запахла полы шелкового халата на груди, пытаясь скрыть дрожь, предательски сотрясавшую тело: — Отойдите, Ярослав Александрович. Мне нужна вода. И прекратите ваши хамские намеки. Я гостя в этом доме и невеста вашего брата, а не воровка.

Ярослав издал глухой горловой смешок, в котором звенела неприкрытая насмешка: — Невеста? — он чуть наклонился вперед, заставляя ее вжаться поясницей в холодный камень. — Сколько Роман пообещал тебе за этот дешевый спектакль перед матерью? Пять миллионов? Десять? Или поклялся, что сделает тебя полновластной хозяйкой подмосковного особняка?

Кровь бросилась Таисии в лицо. Обида, копившаяся с самого вечера, вырвалась наружу обжигающим протестом. Она вскинула подбородок, глядя прямо в его бездонные графитовые зрачки: — Вы меряете весь мир исключительно своими грязными деньгами, Гордеев! Вам, видимо, невдомек, что люди могут жениться не из-за выгоды, а потому что уважают друг друга и хотят быть вместе! Роман поддержал меня в самый страшный момент, когда мастерская моего отца оказалась на грани закрытия! Он обещал помочь...

— Помочь? — перебил Ярослав, и в его голосе прореза-

лась стать такой чудовищной плотности, что слова застряли у нее в горле. — Роман? Мой никчемный братец, который за всю свою никчемную жизнь не заработал даже на шнурки для своих кроссовок? Так вот какая у вас такса, Ромашина... Спасение папочкиных гнилых холстов в обмен на постель с младшим наследником клана?

Это было последней каплей. Унижение захлестнуло Таисию слепой яростью. Не помня себя от бешенства, она вскинула правую руку, намереваясь вклепить звонкую пощечину по этой надменной, небритой физиономии.

Но Ярослав даже не моргнул.

Его реакция была рефлексом натренированного бойца. Прежде чем ее ладонь пролетела половину расстояния, его горячие, мозолистые пальцы перехватили ее тонкое запястье в воздухе — прямо перед его скулой.

Таисия рванула кисть; его пальцы удержали запястье, и она подняла на него яростный взгляд. Медленно, с неотвратимой силой он отвел ее руку вниз и прижал ее кисть к ее же бедру, не разжимая замка своих пальцев.

Затем он сделал полшага вперед.

Его массивный торс коснулся ее груди сквозь тонкий шелк. Таисия прерывисто вздохнула, чувствуя, как земля уходит из-под босых ног.

Ярослав наклонился так низко, что его темная щетина обожгла чувствительную кожу на ее виске. Его горячее, сбитое дыхание осело прямо на пульсирующей венке под ниж-

ней челюстью.

— Твой пульс сейчас лупит под сто сорок ударов в минуту, девочка, — прошептал он ей в самое ухо, и от темного тембра его голоса у нее внутри все сжалось в сладком, паническом спазме. — Ты дрожишь всем телом. Но не от злости. И уж точно не от холода.

Его свободная левая рука отставила бокал на перила, поднялась и тыльной стороной согнутого указательного пальца медленно, обжигаяще провела по линии ее шеи — от мочки уха до самой ямочки между ключицами. Касание было грубым, шершавым, но от него по коже Таисии прокатилась огненная волна судорожных мурашек.

— Ты слепая дура, Тая, — продолжал он хриплым, интимным шепотом, не убирая пальца от ее трепещущей кожи. — Мой брат — трус и паразит. Он не способен спасти даже собственную шкуру. При первой же настоящей опасности он продаст тебя оптом и в розницу, разменяет на копейки, чтобы прикрыть свой зад. Запомни этот разговор на лестнице. Очень скоро твои розовые очки разобьются стеклами внутрь. И тогда ты сама прибежишь в этот кабинет. Сама попросишь о помощи. И просить будешь на коленях.

Ярослав резко отпустил ее запястье и отступил на полшага назад, освобождая лестничный пролет.

Он взял свой бокал, сделал неторопливый глоток обжигающего виски и бросил на нее насмешливый, темный взгляд: — Пошла в спальню, Ромашина. Воду тебе принесет прислу-

га.

Таисия, задыхаясь от ярости, унижения и непонятного, дикого жара, растекавшегося по венам, подхватила полы халата и, не оглядываясь, бросилась вверх по мраморным ступеням, спасаясь бегством от хищника, чей голос продолжал звенеть в ее ушах как набатный колокол.

Глава 3

Утро принесло с собой холодный, белесый рассвет. Низкие свинцовые тучи цеплялись за верхушки вековых сосен, а косые лучи осеннего солнца с трудом пробивались сквозь цветные витражи восточной галереи, расчерчивая мраморный пол багровыми и золотыми полосами.

Таисия почти не сомкнула глаз. Встав в семь утра, она долго стояла под обжигающими струями душа, пытаясь смыть с кожи фантомное ощущение горячих пальцев Ярослава и его хриплый шепот, выжигавший рассудок. Затем снова натянула свое строгое синее платье, заплела волосы в тугую косу и твердо решила: она не останется в этом проклятом особняке ни единого лишнего часа. Она найдет Романа, потребует вызвать такси до Москвы и уедет в свою мастерскую на Солянке. Если Гордеевы презирают ее — она не станет навязываться их высокородному семейству.

Однако комната жениха оказалась пуста. Идеально заправленная постель свидетельствовала о том, что Роман в ней даже не ночевал.

Спустившись на первый этаж, Таисия встретила горничную с подносом свежих полотенец. Женщина испуганно потупилась и на вопрос о Ромane тихо шепнула: — Роман Александрович с самого утра у хозяина. В большом кабинете за дубовой галереей. Они там уже полтора часа... кричат

так, что в кухне слышно.

Нехорошее, липкое предчувствие кольнуло сердце Таисии. Она поблагодарила горничную и быстрым шагом направилась по длинной восточной галерее, устланной толстыми ковравыми дорожками.

В глубине крыла коридор упирался в массивную двустворчатую дверь из мореного дуба, украшенную коваными латунными накладками и фамильным гербом с изображением сокола. Это было святилище главы синдиката — личный рабочий кабинет Ярослава.

Подойдя ближе, Таисия заметила, что правая тяжелая створка двери была неплотно прикрыта: латунный замок не защелкнулся, оставив узкую щель в два пальца шириной.

Она уже подняла руку, чтобы постучать костяшками пальцев по темному дереву, как вдруг из глубины кабинета донесся надрывный, захлебывающийся крик Романа.

Таисия замерла. Рука повисла в воздухе.

— Ярослав, ты не имеешь права! — визжал Роман с истеричными, бабьими интонациями, в которых сквозил первобытный, животный ужас. — Это трастовый фонд отца! Там лежат мои законные деньги! Половина холдинга принадлежит мне по завещанию! Ты обязан снять блокировку со счетов! Мне нужно сорок миллионов рублей наличными до восемнадцати ноль-ноль этой пятницы!

В кабинете повисла тяжелая, гулкая пауза. Затем прозвуч-

чал голос Ярослава.

После визга Романа его короткий ответ заставил Таисию придвинуться к щели. Она слышала каждое слово: — Половина холдинга перейдет в твое распоряжение только тогда, когда совет попечителей признает тебя дееспособным и благонадежным семьянином, Роман. До этого момента распорядителем траста являюсь я. И я не выдам тебе ни одного рубля.

— Меня убьют, ты понимаешь это своим тупым командирским мозгом?! — сорвался на визг Роман, и послышался глухой звук шагов — судя по всему, он метался перед столом брата как загнанная крыса. — Воропаев не станет ждать следующей недели! Я подписал долговые расписки под залог личного поручительства! Если в пятницу сорок миллионов не лягут на его теневой счет — его головорезы вывезут меня на карьер в Подольске и переломают мне коленные чашечки кувалдой! Они сделают из меня калеку, Ярик! Неужели тебе плевать на родного брата?!

— Ты полез в подпольный клуб «Монте-Кристо», зная, что это игорный притон Воропаева, — методично, словно зачитывая обвинительное заключение, произнес Ярослав. — Ты сел за VIP-стол с краплеными колодами, накачался кокаином и за три часа спустил сорок миллионов рублей чужих денег. Это третий раз за два года, Роман. Первый долг в казино Батуми я закрыл за тебя молча. Второй — перед ростовщиками с Кавказа — стоил мне трех гектаров земли под

терминал. Но ты не сделал выводов. Ты решил, что фамилия Гордеев — это безлимитный абонемент на скотство.

Таисия прижала ладонь к губам. В груди разлился горький, удушливый холод. Карточный долг... Сорок миллионов... Так вот почему Роман был таким дерганным и испуганным всю последнюю неделю!

Но следующие слова Романа ударили ее под дых с силой свинцового молота.

— Да плевать мне на этот клуб! — цинично, с омерзительным ожесточением выпалил жених. — Воропаев сам подставил меня, он хотел получить компромат на наш холдинг! Но я нашел выход! Я нашел идеальное решение, а ты рубишь все на корню!

— И какое же «решение» ты нашел, братец? — голос Ярослава прозвучал пугающе тихо. — Притащить вчера в дом эту девочку? Реставратора Ромашину?

Роман издал нервный, мерзкий смешок, от звука которого у Таисии потемнело в глазах: — А что мне оставалось делать?! Ждать, пока меня закопают в лесу?! По уставу семейного траста я получаю право на единоразовую выплату двадцати процентов капитала в случае официального вступления в брак! Совет попечителей автоматически разблокирует транш, если я остепенюсь и женюсь! А Тайка — идеальная дура для этой роли! Наивная, чистая провинциалка с распахнутыми глазами!

Воздух в легких Таисии застыл колючими ледяными иг-

лами. Она вцепилась побелевшими пальцами в латунный косяк, чувствуя, как пол под ногами превращается в зыбучую трясину.

— Продолжай. — В кабинете скрипнуло кресло Ярослава; Роман торопливо заговорил, приняв это за интерес. — Я внимательно слушаю твой гениальный бизнес-план.

— Ее папаша, полоумный реставратор Илья Ромашин, по уши сидит в долгах по аренде своей мастерской на Солянке! — взхлеб, торопясь выговориться, частил Роман. — Там арбитраж на носу, здание вот-вот опечатают за неуплату! Старик при смерти, у него больное сердце! Я напел Тайке в уши сказку про любовь, надел на палец грошовое серебряное колечко за двадцать тысяч и пообещал, что после свадьбы закрою все долги ее отца из личных средств! Она на коленях готова была меня благодарить!

Роман хохотнул, окончательно сорвавшись: — Она подпишет любой брачный контракт, который положат твои юристы! Откажется от любых имущественных прав, от акций, от недвижимости — от всего, лишь бы я спас мастерскую ее отца! Я перенесу регистрацию с будущего месяца на пятницу, добьюсь срочной записи. Совет разблокирует фонд, я переведу сорок миллионов Воропаеву и закрою свой вопрос. А через полгода я просто подам на развод, суну девчонке пару миллионов отступных и вышвырну ее обратно в ее пыльный подвал! Она даже пикнуть не посмеет! И семья спасена, и лицо сохранили, и перед прессой я примерный семьянин!

Разве не гениально, Ярик?!

Тишина, наступившая в кабинете после этой тирады, была страшнее артиллерийского залпа.

Таисия стояла за дверью, не чувствуя собственного тела. Кровь отхлынула от лица, губы онемели. Вся ее вера, ее благодарность, ее готовность пожертвовать свободой ради спасения отцовского дела — все это оказалось грязной, циничной комедией. Роман не любил ее. Он даже не уважал ее. Она была для него всего лишь подставным юридическим инструментом, куклой с улицы, которую собирались использовать и выбросить на помойку.

А затем из кабинета донесся звук, от которого вздрогнули стены.

Глухой, сокрушительный, чудовищной силы удар тяжело-го кулака обрушился на столешницу из векового дуба.

Бронзовые настольные часы на столе Ярослава жалобно звякнули, тонкостенная фарфоровая чашка подскочила и со звоном разлетелась вдребезги о блюде.

— ЗАТКНИСЬ, ПАДАЛЬ! — разорвал тишину громовой рык Ярослава, налитый такой первобытной, уничтожающей яростью, что даже сквозь толстое дерево двери по коже пробежал мороз.

Послышался сдавленный писк Романа, судя по всему, вжатого в стену.

— Ты опозорил имя отца! — чеканил Ярослав каждое слово, и от его баса дрожали стекла в стрельчатых витражах.

— Ты превратился в дешевого жиголо и мародера! Ты посмел втянуть в свою карточную грязь ни в чем не повинную девчонку и ее семью?! Ты решил прикрыться ее чистым именем, чтобы спасти свою ничтожную трусливую шкуру?!

— Ярослав... отпусти... мне больно... — захрипел Роман.

— Ты не получишь из фонда ни копейки, — ледяной тон вернулся, но теперь в нем звенел смертный приговор. — Ни сегодня. Ни через неделю. Ни через год. Я лично наложу бессрочный запрет на любые транши. А если ты еще хоть раз посмеешь приблизиться к Таисии Ромашиной или открыть свою пасть в ее сторону — я не стану нанимать адвокатов. Я лично свяжу тебя и выгружу из багажника прямо у ворот особняка Воропаева. Ты меня услышал, мразь?!

— Я... я понял... отпусти...

— Пошел вон с моих глаз. Чтобы через десять минут твоего духа не было в этом доме. Григорий заблокирует твои пропуска. Вон!

Раздался шум опрокинутого стула. Тяжелые, панические шаги устремились к выходу.

Таисия не успела отступить. Створка дубовой двери с грохотом распахнулась настежь.

Роман вылетел в коридор, на ходу застегивая помятый воротник пиджака. Его лицо было багрово-синим от ярости и унижения, галстук сбит набок, глаза налиты кровью.

Он споткнулся и намертво застыл, наткнувшись взглядом на Таисию.

Девушка стояла у противоположной стены, бледная как мраморная статуя, прямая, с широко распахнутыми серо-зелеными глазами, в которых застыло бездонное, ледяное презрение.

Секунду Роман молчал, судорожно хватая ртом воздух. Осознание того, что она слышала каждое слово его исповеди, перекосило его черты мелкой, трусливой злобой загнанной гиены.

— Что уставилась, святоша?! — брызжа слюной, зашипел он ей прямо в лицо. — Думала, я на тебя запал по большой любви?! Да кому ты нужна со своими пыльными холстами и нищим папашей?! Скажи спасибо, что я вообще посмотрел в твою сторону! Сиди теперь у разбитого корыта, дура!

Он сплюнул на ковер и припустил по коридору в сторону парадного выхода, спасаясь бегством.

А в распахнутом дверном проеме кабинета выросла исполнинская фигура Ярослава.

Он стоял в безупречном темно-сером костюме-тройке, подчеркивавшем стальную мощь его плеч и груди. Белая сорочка без галстука с расстегнутым воротом обнажала темную шею. На его скулах ходили тяжелые желваки, а графитово-черные глаза смотрели на Таисию в упор — без капли жалости, тяжело и неотвратимо.

Он сделал шаг в сторону, освобождая проход в кабинет, и произнес низким, рокочущим басом: — Зайди. Разговор окончен для него. Но начат для тебя.

Глава 4

Кабинет главы финансово-строительного синдиката напоминал неприступную цитадель средневекового феодала. Высокие пятиметровые потолки с балками из мореного дуба, ряды книжных стеллажей темного ореха, уходящие под самый карниз, тяжелая кожаная мебель Chesterfield благородного коньячного оттенка и огромный массивный стол на кованых львиных лапах. Воздух здесь был пропитан запахом дорогого табака, свежемолотого бразильского эспresso и полированного старого дерева.

Таисия переступила порог на негнущихся ногах. Внутри нее все звенело натянутой до предела струной. Предательство Романа выжгло душу дотла, оставив лишь пепел и ледяную, нестигаемую гордость загнанного в угол человека, которому больше нечего терять.

За ее спиной раздался тяжелый, глухой стук: Ярослав закрыл створку дубовой двери. Затем последовал резкий металлический звук: ключ дважды провернулся в массивном латунном замке.

Таисия резко обернулась, вскинув подбородок: — Зачем вы запираете дверь, Ярослав Александрович?

Ярослав не удостоил ее ответом. Он обошел ее широким, бесшумным шагом, обдав волной своего фирменного кедрово-кофейного тепла, и подошел к столу.

На полированной поверхности лежала толстая замшевая папка темно-синего цвета с тисненым золотым гербом холдинга: «Гордеев Групп / Аналитический департамент / Конфиденциально».

Ярослав оперся обеими руками о край стола, нависая над бумагами. Его рельефные плечи под тонкой шерстью пиджака казались каменными: — Подойди сюда, Таисия.

Таисия подошла к столу. Его ширины хватало, чтобы Ярославу пришлось убрать руку с папки, прежде чем развернуть ее к ней.

Ярослав одним резким движением раскрыл папку и развернул документы к ней: — Читай. Это финансовый отчет по ООО «Реставрационные мастерские Ромашина». Твой отец, Илья Сергеевич.

Взгляд Таисии скользнул по гербовым бланкам, печатям арбитражного суда и нотариальным выпискам. Строчки поплыли перед глазами, но цифры отпечатались в сознании с пугающей четкостью.

— Три года назад, — заговорил Ярослав чеканным, жестким тоном судьи, зачитывающего приговор, — твой отец оформил нецелевой заем под залог исторического здания мастерской на Солянке. Деньги ушли на покупку редких архивных реактивов и оборудования. Кредитором выступала микрофинансовая структура «Альянс-Инвест». Это карманная прокладка Виктора Воропаева. С учетом набежавших процентов, штрафов и пени общая сумма задолженности на

сегодняшнее утро составляет сорок три миллиона двести сорок тысяч рублей.

Таисия покачнулась. Пальцы судорожно вцепились в полированный край стола, ногти побелели: — Нет... Папа говорил, что там всего лишь небольшая задержка по аренде помещений... Роман клялся, что у него есть инвестиционный пул...

— Роман — пустое место, — безжалостно отсек Ярослав, глядя на нее в упор. — У него нет ничего, кроме долгов и животного страха. Срок окончательного погашения кредита твоего отца истек вчера ровно в восемнадцать ноль-ноль. Через сорок восемь часов приставы, а следом люди Воропаева явятся на Солянку. Здание опечатают. Все иконы, картины, антиквариат и архивы будут конфискованы в счет погашения долга. А Воропаев уже готовит заявление о мошенничестве, чтобы заставить отца уступить здание без борьбы. Он не переживет даже этапа до СИЗО.

Слова падали как тяжелые могильные плиты. Сердце Таисии сжалось в ледяной комок. Образ больного, седого отца с его слабым сердцем, всю жизнь отдавшего спасению шедевров искусства, встал перед глазами. Его убьют. Разрушат все, чем он жил.

Она медленно подняла голову. Слезы жгли веки, но Таисия с силой сжала зубы, не позволив ни единой слезинке скатиться по щеке. Ее серо-зеленые глаза полыхнули яростным, чистым пламенем: — И зачем вы мне все это показываете,

Ярослав Александрович? Чтобы насладиться триумфом всемогущего хозяина жизни? Хотите, чтобы я упала перед вами на колени и умоляла о пощаде? Сколько стоит ваша милость? Назовите цену!

Ярослав медленно выпрямился во весь свой гигантский рост. Обойдя угол стола, он подошел к ней вплотную.

Дистанция исчезла. Он навис над ней, как грозовая туча, выкачивая весь кислород из пространства между ними. В его графитовых глазах зажглось темное, первобытное пламя — смесь хищного азарта, властного собственничества и опасного мужского голода.

— На колени передо мной ты еще упадешь, девочка, — произнес он низким, вибрирующим басом, от которого по ее коже побежали крупные мурашки. — Но не ради мольбы о пощаде. Мои условия предельно конкретны.

Он протянул руку и указательным пальцем властно поднял ее за подбородок, заставляя смотреть прямо в бездну своих глаз: — Первое: ты немедленно снимаешь с пальца эту убогую проволоку с фальшивым стеклом. Мой брат для тебя умер. Навсегда.

Таисия прерывисто вздохнула. Пальцы на подбородке были горячими, твердыми, они не оставляли шанса отвернуться.

— Второе, — продолжал Ярослав, понизив голос до хриплого, интимного полусшепота, обжигавшего ее губы ароматом кофе и кедра. — Воропаев готовит масштабную атаку

на мой холдинг перед дополнительным размещением акций. Ему нужен скандал. Если в прессу просочится информация о том, что Роман — карточный мошенник и должник, котировки «Гордеев Групп» рухнут на миллиарды. Мне нужен надежный щит. Ты остаешься в моем доме ровно на четырнадцать дней.

— Что?.. — выдохнула Таисия, не веря своим ушам.

— Ты остаешься здесь под моим личным контролем, — отчеканил он, не отводя взгляда от ее дрожащих губ. — Для матери, для светского бомонда, для попечительского совета и журналистов ты — личная гостья клана под моим личным покровительством. Ты — мой залог молчания. Ни одного звонка наружу без моего ведома. Ни одного шага за пределы поместья без моей охраны. Ты будешь жить по моим правилам и подчиняться моим приказам. Если через две недели ты докажешь, что умеешь держать удар и хранить тайны клана — я лично выкуплю долговые обязательства твоего отца у структур Воропаева и сожгу их в камине на твоих глазах. Мастерская останется за вашей семьей навсегда.

Таисия замерла, оглушенная масштабом сделки: — А если я откажусь? Если я развернусь и уйду прямо сейчас?

Ярослав усмехнулся — хищно, безжалостно, обнажив ровные белые зубы: — Тогда через сорок восемь часов твой отец окажется в тюремной больнице, а мастерскую снесут под корень бульдозеры Воропаева. Выбирай, Тая. Твоя гордость — или жизнь твоего отца.

Таисия открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент тишину коридора за дверью разорвал оглушительный грохот.

Латунная ручка кабинета с яростным лязгом дернулась вниз. Замок выдержал: Роман вернулся с полпути к выходу.

— ТАЯ! — раздался из-за двери пьяный, сорванный крик Романа, сопровождаемый бешеными ударами кулаков и бо-тинок в дубовые панели. — Я знаю, что ты там! Ярослав, открой эту чертову дверь, сука! Не смей трогать мою невесту! Тая, он чудовище, он сломает тебя! Открой, тварь, иначе я разнесу этот дом к чертовой матери!

Таисия вздрогнула и в панике отшатнулась в сторону стрельчатых окон.

Ярослав среагировал со скоростью атакующего леопарда.

Одним слитным, сокрушительным движением он шагнул вперед, обхватил Таисию за тонкую талию стальным кольцом руки и буквально оторвал ее ноги от пола. Прежде чем она успела вскрикнуть, он затянул ее в глубокую оконную нишу, скрытую тяжелыми складками трехметровой бархатной портьеры бутылочно-зеленого цвета.

Спина Таисии впечаталась в холодный гранитный подоконник.

В следующую секунду Ярослав прижал ее к стене всем своим огромным, каменным телом, полностью накрывая собой, лишая малейшей возможности пошевелиться.

И прежде чем из ее горла вырвался хоть звук, его широкая, раскаленная ладонь накрыла ее рот.

Его пальцы жестко и властно зафиксировали ее щеки и губы, вдавливая затылок в бархат шторы.

— Тихо, — обжег ее ухо низкий, угрожающий шепот Ярослава, от которого у нее перехватило дух. — Ни звука, девочка. Если хочешь спасти отца — молчи.

Снаружи удары в дверь утроились. Роман орал, сыпал грязными проклятиями, пока в коридоре не послышались тяжелые шаги службы безопасности. Раздался холодный, резкий голос начальника охраны Павла: «Младший хозяин, отойдите от дверей. Приказ главы семьи — сопроводить вас в аэропорт. Шаг назад, или мы применим спецсредства». Послышалась короткая возня, сдавленный мат Романа и затихающий шум волочимых по ковру ног.

Но здесь, за тяжелой портьерой, мир сузился до размеров раскаленного ада.

Ярослав не убирал ладони с ее губ. Он вдавливал ее в подоконник с такой силой, что сквозь тонкую шерсть платья Таисия каждой клеточкой своего существа ощущала сокрушительную плотность его тела.

Его бедра, твердые как стальные тиски, намертво прижимали ее бедра к камню. В темноте ниши Таисия отчетливо, до судорожного, обжигающего жара внизу живота почувствовала каменную, первобытную твердость его разгоряченной плоти.

Ярослав дышал тяжело, прерывисто. Его горячее дыхание ударило ей в висок, щетина царапала лоб. Сердце титана

колотилось с яростной, тяжелой мощью, отдаваясь глухими ударами в ее собственной груди. В воздухе трещало такое запредельное, опасное сексуальное напряжение, что у Таисии закружилась голова, а по телу прокатилась волна сладкой, парализующей слабости.

Они стояли, сплетенные телами в темноте, не шевелясь целую вечность, пока в коридоре окончательно не стихли все звуки.

Ярослав медленно, нехотя отвел свою горячую ладонь от ее губ.

Но не отстранился ни на миллиметр. Его лицо оставалось в сантиметре от ее лица. В полумраке ниши его графитовые глаза полыхали черным, ненасытным огнем.

— Твой ответ, Тая? — хрипло, на грани шепота спросил он, и его губы почти коснулись ее трепещущей нижней губы.

Таисия судорожно глотнула воздух, пылая лицом. Ее сердце колотилось где-то в горле.

Она медленно подняла дрожащую правую руку. Пальцы коснулись тонкого серебряного ободка на безымянном пальце. Левыми пальцами она с легким усилием стянула дешевое кольцо Романа с правого безымянного.

Посмотрела на него секунду, а затем разжала пальцы.

Кольцо с тихим металлическим звоном ударилось о паркет и укатилось под массивный дубовый стол.

— Я остаюсь, — прошептала Таисия прямо в его горячие губы, вкладывая в слова всю свою гордость и боль. — Ровно

на четырнадцать дней. Как залог молчания. Но если вы посмеете нарушить границу...

Ярослав криво, хищно усмехнулся, глядя на нее с торжеством победителя: — Границы в этом доме устанавливаю только я, птичка.

Он отступил на шаг, выпуская ее из плена своего тела, и Таисия едва удержалась на ногах, судорожно опершись о подоконник.

Ярослав подошел к двери, повернул ключ и распахнул тяжелую дубовую створку: — Твои вещи из гостевой уже перенесены. Ты будешь жить в восточном крыле. В апартаментах напротив моих личных покоев. Добро пожаловать в мой плен, Тая.

Глава 5

Холодный рассвет просачивался сквозь портьеры из тисненого бархата, окрашивая спальню в жемчужно-серые тона.

Таисия открыла глаза, и реальность навалилась сразу — душная, весомая, пахнувшая чужим домом, сухим деревом дубовой отделки и дорогим мылом. Потолки уходили ввысь на пять метров, украшенные лепными карнизами с геральдическими щитами Гордеевых. Она лежала на гигантской кровати под невесомым одеялом из египетского хлопка цвета топленого молока. Шелк тонкой ночной сорочки, которую ей с вечера оставила горничная, холодил ключицы.

На безымянном пальце правой руки саднило пустое место. Там оставалась светлая полоска — след от помолвочного кольца Романа. Того самого дешевого кольца с мутным фианитом, которое она сама вчера утром сняла в кабинете Ярослава и бросила на пол.

«Ты остаешься здесь на две недели. Ты — залог молчания семьи».

Его низкий голос до сих пор звенел у нее в ушах, отдаваясь глухой судорогой внизу живота. Сорок три миллиона двести сорок тысяч рублей долга ее отца. Отдельно — карточные расписки Романа в руках Воропаева. Сделка, в которой ее свобода стала разменной монетой. Романа вчера увез-

ла охрана, и она осталась среди чужих коридоров, а старший брат — патриарх, державший в кулаке строительный синдикат столицы, — просто захлопнул стальной капкан.

Таисия опустила босые ступни на пушистый шерстяной ковер. В комнате царила идеальная, звенящая тишина. Она подошла к высокому трельяжу из карельской березы, взглянула на свое отражение: бледная кожа, растрепанные медово-каштановые пряди, рассыпавшиеся по плечам, и тревожный блеск серо-зеленых глаз. В глубине зрачков застыло упрямство. Таисия смочила ладони холодной водой и пригладила прядь у виска. Первым делом она потребует телефон. Пусть попробует еще раз объяснить, почему ей запрещено услышать отца.

В гардеробной на вешалках висело несколько комплектов одежды. Таисия проигнорировала шелковые платья и натянула серый кашемировый джемпер с высоким воротом и прямые темные брюки, которые привезла с собой. Волосы перехватила на затылке деревянной шпилькой.

Толкнув стеклянную дверь, ведущую на широкую террасу восточного крыла, Таисия шагнула наружу.

Воздух конца сентября обжег легкие морозной чистотой. Особняк возвышался на пологом холме, и с балюстрады открывался вид на вековой парк. Старые клены осыпались золотом, дубовая роща темнела бронзой, а над заросшим прудом стелился полупрозрачный сизый туман.

И прямо посреди этой тишины, за круглым кованым сто-

лом под навесом из дикого винограда, сидел Ярослав.

У Таисии перехватило дыхание.

За эти два дня она успела увидеть его в доспехах власти — в безупречных костюмах-тройках ручной работы, в расстегнутых пальто, заставлявших прислугу вжиматься в стены. Сейчас перед ней был другой мужчина. На Ярославе была простая черная футболка из мерсеризованного хлопка с коротким рукавом и темно-серые слаксы. Ткань натягивалась на мощной груди и широких покатых плечах бойца. На обнаженных загорелых предплечьях вздувались толстые синеватые вены, уходившие под рукава к литым бицепсам. Густая темная щетина покрывала тяжелую, высеченную из гранита челюсть.

Он держал тонкий карбоновый планшет, пролистывая сводки, а второй рукой неторопливо подносил к губам фарфоровую чашку с черным кофе. От чашки поднимался пар, разнося терпкий аромат горького эспresso и жженой корицы.

Таисия расправила плечи, подняла подбородок и сделала три твердых шага по каменным плитам:

— Доброе утро, Ярослав Александрович. Где мой телефон?

Мужчина не вздрогнул. Он допил глоток кофе, поставил чашку на серебряное блюдце с едва слышным сухим звоном и лишь затем перевел на нее неторопливый взгляд.

Графитовая глубина его глаз обожгла ее холодом. Он оки-

нул ее фигуру с ног до головы — задержался на закрытом джемпере, на собранных волосах, на тонких бледных запястьях. Он задержался взглядом на ее запястьях. Таисия спрятала их в рукава и повторила вопрос.

— В моем доме не ведут переговоров стоя, Тая. И не устраивают допросов натошак. Сядь.

Его низкий рокочущий бархат прокатился по террасе, заставив вибрировать воздух.

— Я не собираюсь здесь завтракать, — отрезала она, не двигаясь с места. — Мне нужно связаться с отцом. Приставы собираются опечатать мастерскую завтра. Роман сбежал. Если вы перехватили долг, я требую копии платежных поручений и свой мобильный.

Стеклянные створки особняка бесшумно разъехались. На террасу вышел дворецкий Филипп в темно-синем жилете. В руках он нес массивный серебряный поднос на фигурных ножках. Без единого лишнего движения дворецкий установил поднос на стол перед пустым креслом напротив Ярослава.

Крышка клоша поднялась. На широкой тарелке из тончайшего мейсенского фарфора лежал пышный омлет со свежей зеленой спаржей, ломтиками авокадо и прозрачными розовыми лепестками пармского окорока. Рядом в плетеной корзинке дышали жаром золотистые слоистые круассаны, а в хрустальных розетках темнел рубиновый инжирный джем и янтарный мед.

— Филипп, свободен, — коротко бросил Ярослав.

— Слушаюсь, Ярослав Александрович, — дворецкий склонил голову и бесшумно исчез в доме.

Таисия осталась стоять у балюстрады, скрестив руки на груди:

— Вы меня не слышите. Я не стану есть в этом доме. Я заложница чужих долгов, а не приживалка.

Ярослав медленно опустил планшет. Карбоновый корпус глухо стукнул о столешницу. Он оперся предплечьями о стол, глядя на нее в упор, и в глубине его зрачков вспыхнула опасная насмешка:

— Твой отец жив, принимает лекарства в своей мастерской, а приставы получили постановление о приостановке производства на четырнадцать дней. Моя служба безопасности перекрыла доступ чужим людям в его переулок. Ни один шакал Воропаева не переступит порог мастерской, пока ты находишься здесь. Твой телефон в сейфе моего кабинета. Ты хотела гарантий? Ты их получила. А теперь сядь за стол.

— А если я откажусь?

Ярослав поднялся.

Это движение было столь стремительным, что Таисия не успела отступить. Его гигантский рост — метр девяносто два — мгновенно заслонил утреннее солнце. Он шагнул к ней, сокращая расстояние в два шага.

Таисия подалась назад, но уперлась бедром в каменный парапет.

Ярослав остановился в полушаге. От него пахло морозной хвоей кедра, терпким табаком сигар и чистым жаром мужского тела. Его тень накрыла ее с головой. Он не коснулся ее, но само его присутствие давило физически.

— Если ты откажешься, — произнес он тихо, наклоняясь к ее лицу так близко, что его дыхание коснулось ее лба, — я возьму тебя за талию, посажу в это кресло и буду кормить сам. С ложки.

— Не смейте мне угрожать, — прошептала она, чувствуя сухость в горле. — Вы не имеете надо мной власти.

— Я имею над тобой ту власть, которую ты сама мне отдала вчера утром в кабинете, согласившись на сделку ради отца, — его голос стал чеканным. — Ты вешишь сорок восемь килограммов, Тая. Ты едва стоишь на ногах. Еще пара дней голодовки — и ты свалишься в обморок на мраморный пол. А мне нужна здоровая женщина, способная держать удар перед семьей и прессой.

Его широкая ладонь легла ей на лопатку, направляя к столу. Таисия оглянулась на него через плечо; он указал на остывающий омлет. Пальцы обожгли спину сквозь шерсть. Подчиняясь нажиму, Таисия опустилась в кресло.

Ярослав придвинул свое кресло к ее креслу и сел рядом.

— Ешь омлет.

— Нет.

Она сжала губы, упрямо глядя в сторону кленовой аллеи. Ярослав усмехнулся — глухо, утробно, словно сытый лев.

Он потянулся к корзинке, взял теплый круассан. Хрустящая корочка подалась под его сильными пальцами. Он отломил кусочек, аккуратно зачерпнул им каплю густого рубинового инжирного джема.

Затем его рука пересекла пространство стола.

Широкая мужская ладонь замерла в сантиметре от ее лица. В воздухе запахло печеным сливочным тестом, сладким инжиром и кожей.

— Открой рот, Тая.

— Ярослав Александрович...

— Я не повторяю дважды.

Его графитовые глаза потемнели до цвета грозового неба. В них не было насмешки — только абсолютная воля вожака. Он подался вперед, нависая над столом. Его левая рука легла на спинку ее кресла, замыкая ее в тесное пространство.

Таисия понимала: он не отступит. Он разожмет ей губы пальцами, и в этом унижении будет куда больше опасности, чем в покорности.

Взглянув ему прямо в зрачки с яростью, Таисия медленно приоткрыла рот.

Ярослав вложил кусочек круассана ей на язык.

Сладкий инжир и хрустящее сливочное тесто наполнили рот. Но в то же мгновение, когда она попыталась перехватить выпечку, кончик ее языка и влажная нижняя губа случайно мазнули по подушечке его большого пальца. Кожа его руки оказалась обжигающе горячей и шершавой.

Ярослав замер.

Воздух вырвался из его груди с тяжелым хриплым звуком. Мышцы его шеи мгновенно натянулись, а челюсть сжалась так, что у висков вздулись желваки. Зрачки расширились почти на всю радужку, поглотив серую кромку. Статическое напряжение между ними сгустилось до предела.

Таисия застыла, ощущая, как краска стыда и непонятного жара заливает ее щеки, поднимаясь от ключиц.

Ярослав не убрал руку сразу. Он медленно отвел ладонь, задержав взгляд на ее блестящих от джема губах. Затем, не отрывая от нее глаз, он поднес свой большой палец к собственным губам и медленно слизал оставшуюся каплю сладкого инжира.

Его язык коснулся кожи там, где секунду назад были ее губы.

— Сладкая, — прошептал он хрипло, низко, так, что мурашки пронеслись по ее позвоночнику. — Очень сладкая, Тая. Напрасно ты корчишь из себя ледяную статую. Твое тело честнее твоих речей.

— Вы невыносимы, — выдохнула она, сжимая кулаки под столом.

— Я эффективен, — поправил он, откидываясь на спинку кресла. — Теперь бери вилку и доедай омлет сама. Мне нужно в офис на три часа — закрыть вопросы по субподрядам. Когда я вернусь, тарелка должна быть пустой. Иначе обед мы начнем с того же самого.

Он поднялся, подхватил планшет и скрылся в стеклянных дверях дома.

Таисия осталась одна на террасе. Ветер трепал золотые листья клена. Она взяла тяжелую серебряную вилку дрожащими пальцами и сделала первый глоток обжигающего чая. Сердце колотилось о ребра, а вкус инжира и мужской кожи все еще жег ее губы.

Глава 6

После полудня осеннее солнце затянуло белесой пеленой облаков. Свет в особняке стал рассеянным, молочным.

Таисия провела последние часы в малой гостиной восточного крыла. Комната была обставлена со сдержанным достоинством старых дворянских гнезд: темные дубовые панели по стенам, книжные шкафы с тисненными кожаными корешками монографий по искусству, массивный камин из зеленого змеевика и глубокие диваны, обитые оливковым бархатом.

Она сидела у камина, раскрыв на коленях альбом гравюр Дюрера, но строгие штрихи резца расплывались перед глазами. Мысли возвращались к утреннему завтраку на террасе.

Ее губы до сих пор помнили жар шершавой кожи Яро-слава. Мужчина, олицетворявший беспощадный финансо-вый молот, уничтожавший конкурентов одним телефонным звонком, проявил к ней ту степень интимного внимания, от которой кружилась голова. В этом не было фальшивой га-лантности Романа, сыпавшего заученными фразами. В Яро-славе сквозила тяжелая сила самца, который пометил свою территорию и не собирался отступить.

Тишину комнаты разрезал резкий сухой стук.

Двустворчатые двери распахнулись без предупреждения. В гостиную вошла Маргарита Андреевна Гордеева.

Мать клана выглядела безупречно и надменно. На ней был

жемчужно-серый шерстяной костюм от Chanel с приталенным жакетом. Седые волосы были уложены в сложную высокую прическу. В сухих пальцах, унизанных кольцами с сапфирами, она сжимала трость из темного палисандра с набалдашником из ограненного горного хрусталя.

За спиной хозяйки семенил невысокий лысеющий мужчина в роговых очках и старомодном костюме-тройке, прижимая к груди раздутый кожаный портфель.

Таисия закрыла альбом, положив его на журнальный столик, и поднялась на ноги:

— Маргарита Андреевна.

— Не утруждай себя любезностями, девочка, — голос матери звучал сухо, как треск ломающихся веток. Она остановилась посреди ковра, оперевшись на трость. Ее холодные голубые глаза ощупали фигуру Таисии с брезгливостью. — Я надеялась, что к полудню ты соберешь свои пожитки и избавишь этот дом от своего присутствия. Но провинциальные приживалки въедаются в обивку дорогой мебели намертво.

— Я нахожусь здесь не по своей воле. — Таисия осталась возле закрытого альбома, заставив Маргариту Андреевну остановиться перед столиком. — И ваши покои меня не прельщают.

— Не по своей воле? — Маргарита Андреевна скривила тонкие губы в усмешке. — Роман сбежал в Москву, спасаясь от позора, в который ты его втянула. Мой мальчик оступился, связавшись с дочерью обанкротившегося маляра. Но

я руковожу этим домом больше тридцати лет и не позволю превратить фамилию Гордеевых в посмешище. Ковалев, бумаги на стол.

Юрист торопливо засеменил к столику, щелкнул замками портфеля и извлек стопку плотной бумаги под фирменным гербовым скоросшивателем адвокатской конторы «Ковалев и партнеры». Он выложил документ перед Таисией, положив сверху массивную перьевую ручку с золотым пером.

— Что это? — спросила Таисия, не притрагиваясь к листам.

— Твой единственный билет на выход, — отчеканила Маргарита Андреевна. — Дополнительное соглашение к несостоявшемуся брачному договору и безоговорочное обязательство о неразглашении. Ты отказываешься от любых материальных и статусных претензий к Роману и клану Гордеевых. Ты подтверждаешь, что помолвка была твоей фантазией, не имеющей юридической силы. И обязуешься покинуть Подмосковье в течение суток.

— А если я откажусь?

Ковалев нервно кашлянул в кулак, поправил очки и добавил:

— В случае нарушения режима конфиденциальности пункт 8.4 предусматривает штрафную неустойку в размере двадцати пяти миллионов рублей, а также передачу долговых обязательств вашего родителя в коллекторское агентство «Северный щит» без права реструктуризации. Подпи-

сывайте, Таисия Ильинична. Маргарита Андреевна проявляет великодушие, оплачивая вам билет в один конец.

Таисия опустила взгляд на бумаги.

Первая же страница пестрела формулировками: «Сторона-2 признает свою полную финансовую несостоятельность... не претендует на компенсацию... обязуется не разглашать сведений под угрозой уголовного преследования...»

Чистый, обжигающий гнев поднялся внутри — благородная ярость человека, чье достоинство попытались растоптать угрозами.

Таисия медленно протянула руку, взяла со стола стопку документов.

Маргарита Андреевна довольно приподняла подбородок:

— Вот и умница. Подпиши в трех экземплярах. Горничная поможет собрать чемодан.

Таисия подняла глаза на старую аристократку. В ее серо-зеленом взгляде зажегся неукротимый огонь:

— Ваш сын Роман сам умолял меня о помолвке, — произнесла она отчетливо. — Он держал меня за руку в кофейне и клялся честью, которой у него никогда не было. Он прикрывался моим именем, чтобы скрыть от вас свои карточные проигрыши в притонах. Ваш род держится на фальши и страхе, Маргарита Андреевна. Но я не продажная девка, которую можно купить билетом на поезд или запугать вашим карманным стряпчим.

С этими словами Таисия разжала пальцы.

Стопка гербовых бумаг с сухим шелестом рухнула обратно на столик, веером рассыпавшись по полированному дереву.

— Я не подпишу ни одной строчки этой грязи. Забирайте свои грамоты и убирайтесь из моей комнаты.

Лицо Маргариты Андреевны пошло багровыми пятнами. Светская маска слетела, обнажая злобу. Пальцы в сапфирах сжались на набалдашнике трости.

— Ах ты уличная голодранка!.. — выплюнула она, теряя самообладание. — Ты смеешь указывать мне в моем доме?! Ты смеешь позорить имя моего сына?!

Трость с глухим стуком упала на ковер. Маргарита Андреевна шагнула вперед и с размаху вскинула ладонь для звонкой пощечины.

Таисия не отшатнулась — лишь выпрямила спину, готовая принять удар.

Но удара не последовало.

— Мама. Руку опусти.

Голос от дверей прозвучал не громко. Но в нем звенела такая сокрушительная плотность, что воздух в гостиной мгновенно застыл.

Ярослав стоял на пороге. На нем было темно-синее пальто из тяжелого кашемира, распахнутое, и темный костюм. От него пахло осенней сыростью, бензином и опасностью.

В два широких шага он преодолел расстояние. Его стальные пальцы сомкнулись на запястье матери в паре сантиметров

ров от щеки Таисии.

Маргарита Андреевна попыталась вырвать запястье. Ярослав удержал ее руку, пока занесенная ладонь не опустилась; только тогда отпустил.

Ковалев побледнел до синевы и вжался спиной в шкаф.

— Ярослав... — задохнулась мать. — Эта девка отказывается подписывать соглашение! Она погубит Романа!

Ярослав даже не взглянул на нее. Его графитовые глаза были прикованы к Таисии — он сканировал ее бледное лицо, вздымающуюся грудь под серым джемпером и гордый подбородок. Убедившись, что ее не тронули, он перевел взгляд на столик.

Наклонившись, он взял рассыпанные листы контракта.

Отпустив запястье матери, Ярослав сжал пачку документов. Мышцы на его предплечьях напряглись. С оглушительным треском рвущейся бумаги он разорвал контракт пополам. Затем сложил половины вместе и разорвал их еще раз — поперек.

Белые обрывки с печатями полетели на ковер, осыпавшись на ботинки адвоката Ковалева.

— Ковалев, — произнес Ярослав, и в его голосе проступил свинец. — Десять секунд на то, чтобы собрать мусор и покинуть поместье. Если через полчаса твоя машина еще будет стоять у ворот — завтра коллегия адвокатов аннулирует твой статус. Пошел вон.

Юрист упал на колени, лихорадочно сгреб обрывки бума-

ги в портфель и выскочил из гостиной.

В комнате повисла тишина.

Маргарита Андреевна тяжело дышала, растирая запястье. В ее глазах смешались ярость и страх перед старшим сыном — человеком, который десять лет назад вытащил клан из криминальной петли и стал полновластным хозяином всего их состояния.

— Ты защищаешь эту нищенку против собственной матери? — с горечью бросила она. — Ты забыл, кто мы такие?

Ярослав повернулся к ней. Черты его лица заострились, а в глазах застыл холод:

— Я слишком хорошо помню, кто мы такие, мама. Мы те, кто не пачкает руки подлыми расписками и не бьет женщин по лицу. Роман сам создал эту проблему. Роман проиграл деньги синдикату Воропаева и притащил Таисию в наш дом, надеясь прикрыться ее невинностью. Он ответит за каждый свой шаг. А теперь слушай меня внимательно.

Он сделал полшага вперед, нависая над матерью:

— Таисия Ильинична находится в этом доме под моим личным словом. Она — моя гостья. И любой в этом поместье, кто посмеет повесить на нее голос или коснуться пальцем, покинет семью навсегда. С заблокированными картами и закрытыми счетами. Ты меня услышала, мама?

Маргарита Андреевна замерла. Она поняла: сын не шутит. Он действительно вышвырнет ее из родового гнезда ради этой девчонки.

Подобрав трость, старая женщина покинула гостиную. Дубовые двери с гулом захлопнулись за ней.

Они остались вдвоем.

Напряжение в воздухе сменило знак, превратившись в электрическую бурю между мужчиной и женщиной.

Таисия стояла неподвижно, чувствуя, как запоздалая дрожь сотрясает колени. Она сделала глубокий судорожный вдох, пытаясь удержать самообладание.

Ярослав сбросил пальто на спинку кресла и подошел вплотную.

Тепло его тела коснулось ее озябшей кожи. Таисия подняла глаза, готовая к новым язвительным замечаниям.

Но Ярослав не стал говорить.

Он поднял тяжелую ладонь. Его пальцы запутались в прядях медово-каштановых волос на затылке, бережно придерживая голову. Другой рукой он властно обнял ее за талию и притянул к себе.

Ее лоб уперся в плотную ткань его темного пиджака.

Под ее виском, за слоями шерсти и хлопка, размеренно и мощно билось его сердце. Раз. Два. Три.

— Ты цела? — его голос прозвучал прямо над ее макушкой, низкий, хриплый, лишенный прежней брони.

Таисия зажмурилась. Слезы, которые она сдерживала перед его матерью, обожгли веки. Ее пальцы сами собой судорожно сжались на лацканах его пиджака, сминая ткань.

— Больше никто не посмеет тронуть тебя, Тая, — про-

шептал Ярослав, и его ладонь на ее затылке сжалась чуть крепче, даря нерушимое чувство безопасности. — Я дал слово. А мое слово крепче гранита.

Глава 7

К половине седьмого гардеробная Таисии превратилась в филиал столичного бутика. Трое стилистов внесли чехлы, коробки и высокий передвижной рейл, загородив выход так основательно, словно теперь ее собирались брать осадой платьями.

— Завтра прием в «Аристократе», — объяснила старшая, сухошавая женщина с сантиметровой лентой на шее. — Ярослав Александрович просил подготовить вас заранее.

— Он уже решил, что я туда еду?

— Он оплатил примерку, — осторожно поправила женщина.

Таисия посмотрела на свое отражение. Серый джемпер, тугой узел волос, лицо человека, который с утра только и делал, что отбивал чужие приказы. На щеке будто еще сохранилось тепло пиджака, в который она уткнулась после стычки с Маргаритой Андреевной. Таисия злилась на себя за то, как долго держалась за его лацканы.

— Тогда примеряйте на манекен. Размер примерно мой, а спорить он не будет.

Молодая помощница фыркнула и тотчас спряталась за чехлом. Старшая стилист сделала вид, что поправляет ленту.

— Манекен оставим Роману, — донеслось от двери. — Ему как раз нужна спутница без голоса.

Ярослав стоял на пороге в черном расстегнутом пиджаке. Его плечи заслонили коридор. В руке поблескивал стакан минеральной воды; на темной щетине и скулах лежал теплый свет гардеробной.

Он встретил ее взгляд в зеркале, и Таисия вдруг пожалела, что зеркало такое большое. От этого мужчины здесь было решительно некуда спрятаться.

— Мы обсуждаем мой завтрашний вечер, — сказала она.
— Вам следовало начать со мной.

Ярослав поставил стакан на мраморную консоль.

— Начинаю. Ты поедешь на прием?

Таисия повернулась к нему. Помощницы замерли между вешалками.

— И что мне там делать?

— Смотреть людям в глаза. Сегодня мать решила, что может выгнать тебя бумажкой. Завтра половина зала попробует сделать это шепотом. Я хочу, чтобы они подавились.

— Моим присутствием или вашим платьем?

— Твоим ответом. Платье лишь заставит их сначала посмотреть.

Таисия помолчала. Ей представились лорнет, занесенная ладонь, аккуратный юрист с билетом в один конец. Спрятаться в спальне означало оставить последнее слово за ними.

— Хорошо. Но я еду как Таисия Ромашина. Ваше семейное представление играйте без меня.

Ярослав усмехнулся.

— Именно это я и собираюсь показать.

Старшая стилист воспользовалась перемирием и подняла к плечу Таисии песочный футляр. Следом перед зеркалом возникло пыльно-розовое платье с закрытыми рукавами.

— Для первого выхода мы предложили бы сдержанную гамму. Она позволит избежать лишнего внимания к обстоятельствам...

— Уберите, — сказал Ярослав.

Женщина осеклась.

— Это новая коллекция.

— Тогда у новой коллекции дурное настроение. Вы соби-

раетесь ее извинять за то, что она вошла в зал?

Таисия прикусила губу. Очень хотелось рассмеяться; она удержалась лишь потому, что стилист выглядела так, словно всю жизнь шила эти футляры собственными руками.

Ярослав прошел вдоль рейла, раздвинул плечики и вынул из глубины длинное изумрудное платье. Тяжелый шелк перелился в его руках — от почти черного у складок до пронзительной зелени на свету.

Таисия невольно шагнула ближе.

Она любила этот цвет. В мастерской могла часами искать такой переход на старинном бархате, смешивая холодную зелень с каплей синего. Здесь нужный оттенок двигался сам, повинаясь наклону мужской кисти.

Ярослав заметил ее движение.

— Вот это.

— У него открытая спина, — предупредила стилист.

— Я вижу.

— И очень точная посадка по талии. Потребуется...

— Дайте мне посмотреть, — перебила Таисия и сама приняла платье.

Плотный шелк оказался тяжелее, чем выглядел. Спереди — высокий ворот, сзади — глубокий вырез почти до поясницы и маленькая застежка на шее. Потайная молния шла по нижней части спины, удерживая узкий лиф на талии.

Ярослав кивнул стилистам на дверь.

— Оставьте нас. Обувь подберете после примерки.

Помощницы подхватили коробки. Таисия проводила их взглядом и повернулась к оставшемуся мужчине.

— Вас это тоже касается.

Ярослав остановился у консоли.

— Тая, здесь есть ширма.

— А у ширмы есть щели. Я работаю со старым деревом и знаю его слабости.

Он посмотрел на резные створки, потом на нее. Уголок его рта дрогнул.

— С моими слабостями ты тоже справишься?

— Начну с вашей привычки распоряжаться моими дверями. Выйдите.

Несколько секунд он смотрел на нее. Затем взял стакан и вышел в спальню, прикрыв за собой дверь.

Таисия осталась посреди гардеробной с изумрудным шелком в руках и глупой, совершенно непрощенной улыбкой. Она сумела выставить хозяина из его собственной комнаты. И больше всего ее потрясло, что он позволил.

За ширмой она сняла джемпер и брюки. Платье скользнуло по телу прохладной тяжестью, подол лег у ступней. Таисия застегнула ворот, завела руку назад и нащупала бегунок молнии. Тот поднялся на несколько сантиметров и застрял. Она попробовала другой рукой. Шелк натянулся, заставив ее замереть: порвать такую вещь означало бы подарить Маргарите Андреевне целый вечер счастья.

Таисия вышла к зеркалу, придерживая платье на талии.

Отражение оказалось неожиданным. Девушка с настороженными глазами все еще была ею, но плечи в этом строгом вороте расправились сами. Стоило повернуться — и открытая спина перечеркивала всю строгость одним дерзким движением.

— Позовите, пожалуйста, стилиста, — сказала она через дверь.

— Что случилось?

— Застежка.

Дверь осталась закрытой.

— Войти можно?

Таисия посмотрела на собственные пальцы, судорожно удерживавшие шелк. Она могла еще раз потребовать стилиста. Ярослав ждал, и именно это ожидание сбивало ее сильнее любого приказа.

— Да. Только помогите с молнией.

Он вошел и остановился.

Таисия увидела в зеркале, как его взгляд скользнул по платью и замер на ее обнаженной спине. Стакан опустился на консоль. Звук стекла о мрамор получился неожиданно громким.

— Повернись, — сказал он.

— Вы и так видите.

— Хочу, чтобы ты тоже видела.

Он подошел сзади. В зеркале его фигура заслонила дверной проем, темный пиджак обрамил ее изумрудный силуэт.

Таисия почувствовала тепло его ладони раньше, чем пальцы коснулись края ткани.

— Подкладку закусил, — произнес Ярослав. — Отпусти с правой стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.